Ярослав Кичало

Дело сыщика Корсакова о восковом анатоме

Ярослав Кичало

Дело сыщика Корсакова о восковом анатоме

https://litres.ru/74743908
SelfPub; 2026

Аннотация

Санкт-Петербург, октябрь 1891 года. В запертом изнутри кабинете Императорской Академии наук найден мёртвым знаменитый профессор анатомии. Химическая жидкость превратила его плоть в безупречную, полупрозрачную восковую статую.

Сыщик, надворный советник Арсений Корсаков берётся за расследование гибели своего наставника. Разбитая эбеновая трость и загадочная фосфорная пыль ведут его через затопленные подземелья на штормовой Николаевский мост, а оттуда — в закрытый спиритический салон высшего света. В игре, где на кону стоят тайны правящей династии, а приказы о прекращении дела приходят из самых влиятельных чиновничьих кабинетов, Корсакову придётся поставить на карту всё и пойти на сделку с врагом, чтобы спасти невиновного, превратив самого себя в живую и самую опасную улику.

Содержание

Предисловие 4
Глава 1 Стеариновый профессор 6
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Ярослав Кичало
Дело сыщика Корсакова о восковом анатоме

Предисловие

Осенний Петербург рождался из тумана, наводнений и воли безумных зодчих, оставивших для жизни лишь узкую полосу гранита между ревущей бездной Невы и глухими фасадами дворцов.

Но к исходу девятнадцатого столетия этот город обрёл новую, пугающую изнанку. За тяжёлыми портьерами великосветского салона на Мойке, под аккомпанемент штормового ветра и хрупкий звон хрусталя, родилась мода на смерть. Высший свет, уставший от земных благ, жаждал заглянуть за грань, превращая спиритические сеансы в тайные судилища, а передовые открытия Императорской Академии наук — в инструменты для безупречных преступлений.

Представленный на суд читателя исторический детектив — это хроника одного рокового столкновения разума и слепого рока. История о том, как великая научная идея, призванная спасать раненых на полях сражений, была цинично осквернена и превращена в идеальное орудие политических

убийств.

Вместе с надворным советником Арсением Корсаковым вам предстоит пройти по скользким доскам Николаевского моста, заглянуть в затапливаемые петровские коллекторы и очутиться лицом к лицу с заговором, нити которого ведут к самым вершинам власти. Здесь нет случайных деталей. Каждая капля ярко-алого сургуча на потемневшем дубовом паркете, каждый пронзительный химический запах сулемы и тусклый отблеск фосфорной пудры — это безмолвные свидетели, ждущие своего часа.

В этой повести закон отступит перед силой и влиянием, а материальные улики будут безжалостно принесены в жертву ради спасения живой души. Но сыщик оставит за собой оружие куда более опасное, чем прошнурованные судебные протоколы, — собственную память.

Разожгите фитиль масляной лампы. За окном уже шумит балтийский шквал, Нева перехлёстывает через парапеты, а в запертом кабинете Академии наук застывает, превращаясь в безупречный воск, человеческая плоть.

Слушайте шёпот петербургских подземелий. Расследование начинается.

Глава 1 Стеариновый профессор

Сырой петербургский ветер швырял в стёкла пролётки капли дождя. Надворный советник Арсений Павлович Корсаков устало поправил воротник гражданской партикулярной шинели, всё ещё хранившей едва уловимый запах пороховой гари, которым он пропитался в цехах Сестрорецкого оружейного завода во время недавнего расследования. Каждый сустав его тела просил горячего чаю и покоя, но записка из Сыскного отделения, доставленная на вокзал прямо к прибытию поезда, не оставляла выбора.

«Арсений Павлович, срочно в Императорскую академию наук. У нас «неживой» случай. Двери заперты изнутри, свидетелей нет, но покойник выглядит так, словно сошёл со страниц анатомического атласа. И ещё... это Илья Ильич».

Через двадцать минут Корсаков уже стоял в просторном кабинете профессора Воздвиженского. Пахло воском и камфорой. За окнами, выходящими на затянутую туманом Большую Неву, глухо шумел осенний ветер. На письменном столе догорала масляная лампа, бросая длинные, уродливые тени на кожаное кресло перед камином. В этом кресле, откинувшись на спинку, неподвижно застыл его превосходительство действительный статский советник Илья Ильич Воздвиженский.

Доктор Мельц, невысокий, сутулый человек в забрызган-

ном кровью прорезиненном фартуке и со старыми очками на хрящеватом носу, медленно водил ручной лупой вдоль обнажённого предплечья покойного. Он пристально разглядывал рисунок подкожных вен, силясь определить точное время наступления смерти.

— Поразительно, Арсений Павлович... — сухо проскрипел прозектор, не поднимая головы. — Поглядите на эти сосуды. Кровь в венах предплечья не свернулась, а застыла, словно прозрачное вишнёвое желе. Трупные пятна имеют совершенно нетипичный, ярко-алый оттенок. Такую картину даёт либо отравление чистым синильным ангидридом, либо... какая-то совершенно неведомая мне химическая фиксация тканей.

Корсаков медленно опустился на одно колено перед креслом. Он смотрел на желтоватое, застывшее лицо покойного. Перед ним сидел не просто объект расследования. Перед ним сидел человек, который много лет помогал сыскной полиции в качестве ведущего судебно-медицинского эксперта и стал для Корсакова мудрым наставником.

Теперь Илья Ильич молчал. Его знаменитая трубка с янтарным мундштуком лежала здесь же, на бюро, аккуратно вычищенная. Глаза профессора были приоткрыты, стеклянно блестя в тусклом свете лампы. На лице застыло выражение крайнего, почти детского изумления. Но сильнее всего Корсакова поразили руки наставника: пальцы, судорожно сжимавшие подлокотники, казались полупрозрачными, жел-

товатыми, точно вылитыми из лучшего пчелиного воска.

— Не прикасайтесь без надобности, — предостерёг Мельц, заметив движение руки сыщика. — Это не обычное rigor mortis — не то привычное трупное окоченение, Арсений Павлович, которое мы привыкли видеть у покойников через пару часов. Окоченение не превращает человеческую плоть в подобие свечи фабрики Крестовниковых. Здесь поработала химия.

— Я вижу, Мельц, — тихо ответил Корсаков, и его голос дрогнул. — Это метод консервации. Илья Ильич много лет развивал идеи Пирогова о «ледяной анатомии». Вы ведь помните его рассказы о распилах замороженных трупов, позволявших увидеть истинное, не смещённое при вскрытии топографическое расположение органов? Но Воздвиженский пошёл дальше холода — он искал состав, который фиксировал бы ткани химически прямо в живом теле.

— Но зачем, Арсений Павлович, Илья Ильич изобретал эту адскую жижу? — Мельц поёжился. — Это же дьявольщина какая-то — заживо человека в камень обращать.

— Вы не понимаете, доктор, — Корсаков горько усмехнулся. — Воздвиженский был гуманистом. Он создавал этот субстрат для военно-полевых госпиталей. Представьте раненого солдата с раздробленной ногой в кронштадтских фортах или на кавказской границе. До госпиталя везти трое суток, начнётся Антонов огонь — и человек мёртв. Илья Ильич искал состав, который в микродозе мог

на время локально законсервировать повреждённые ткани, остановить кровотечение и гниение, дав врачам время довезти страдальца до операционной. Он искал лекарство, чтобы спасать жизни.

— Убийца ввёл раствор в предплечье ещё живому человеку, — Мельц выпрямился, потирая поясницу .

— Сердце покойного работало как насос, Арсений Павлович. Оно само разогнало эту адскую смесь по капиллярам, замещая кровь особым фиксирующим субстратом. Смерть наступила от мгновенного склерозирования сосудов головного мозга. Проще говоря, его мозг окаменел в одно мгновение. Но перед этим... перед этим он всё понимал.

— Живая натура застывает навсегда, сохраняя форму, — прошептал Корсаков.

Мельц аккуратно приподнял руку профессора, поворачивая внутреннюю сторону предплечья к свету лампы. На посиневшей коже, прямо над локтевым сгибом, виднелось глубокое, пугающе широкое отверстие от укола — багровый след с надорванными краями, окружённый бледным химическим ободком.

— Вот как убийца ввёл состав, Арсений Павлович, — сухо проскрипел прозектор, указывая кончиком пинцета на точку. — Напал сзади, перехватил горло, лишая жертву возможности кричать, и быстрым ударом загнал толстую стальную иглу анатомического шприца прямо в глубокую вену предплечья. Действовал профессионально, без суеты. Со-

став пошёл по кровотоку мгновенно, выжигая сосуды изнутри и фиксируя ткани ещё до того, как несчастный успел осознать происходящее.

— Работа профессионала, — заключил Мельц, постучав пальцем по стеклу лупы. — Игла вошла в вену предплечья под идеальным углом, точно между мышечными волокнами, не оставив ни единой лишней царапины. Так мгновенно и безошибочно попадать в глубокие сосуды учат только в Берлинском анатомическом институте. У нас в Академии эту филигранную технику инъекций используют единицы — те, кто лично стажировался в Германии и работал с новейшими аспирационными шприцами. Простой балаганный шарлатан сотворить такое не сумел бы, Арсений Павлович. Ищите убийцу среди людей с академическим медицинским прошлым.

— Вот и я о том же, Арсений Павлович! — встрял в разговор пристав Лютиков, нервно крутя пуговицу шинели. — Замок цел, окна закрыты на шпингалеты. Вся прислуга клянётся, что ночью никого не видела. А первым тело обнаружил адъюнкт-профессор Каменев, ассистент покойного. Лев Сергеевич сам три года назад из Берлина вернулся, у Лангенбека практику проходил! Он сейчас в приёмной сидит, бледный как полотно, слова вымолвить не может. Не иначе как молодой учёный своего благодетеля и прибрал из-за места заведующего кафедрой или ради сбережений старика!

Корсаков задумчиво глядел на бездыханную руку настав-

ника. Его взгляд стал жёстким.

— Берлинская техника инъекций... Значит, Мельц, профессор впустил убийцу сам. Илья Ильич открыл дверь человеку, с которым собирался говорить на одном языке — на языке немецкой науки. Старик не ждал нападения от коллеги. Убийца разыграл карту медицинского братства, усыпил его бдительность беседой у стола, а затем мгновенно перехватил руку профессора и нанёс этот единственный, профессионально точный удар иглой шприца.

Только после этих слов Корсаков начал медленно обходить кабинет, методично осматривая обстановку. Его взгляд сначала скользнул по письменному столу, где среди идеального порядка выделялся пустой подсвечник с догоревшей до основания свечой. Затем сыщик опустил глаза к подножию стола и увидел на дубовом паркете крошечный след — каплю застывшего воска, но не жёлтого, какой стала кожа покойного, а ярко-алого, словно кровь.

— Взгляните на этот огарок, Лютиков, — Корсаков аккуратно приподнял пинцетом расплывшийся по дну подсвечника парафиновый диск. — Обычная казённая свеча трёхвершковой длины, какие закупают для академических канцелярий. В закрытом помещении без сквозняков она сгорает ровно за два с половиной часа. Сторож уверяет, что профессор Воздвиженский зажёг её и заперся в кабинете ровно в девять часов вечера, когда в здании погасили основное газовое освещение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.